

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Поединок эффективности и суверенитета на российских просторах

ОТ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА
К НЕОМЕРКАНТИЛИЗМУ

Петр САРУХАНОВ

САРУХАНОВ

*Александр
Бикбов*

Почему язык девяностых сегодня снова так востребован в критике политического и экономического режима РФ: мафиозная власть, слабое государство, неограниченная коррупция? В разговоре на кухнях это спонтанный ответ на удручающе рутинные репрессии и цензуру, а что еще важнее — на затяжную и не вполне осознанную коллективную травму, связанную с тем, что называется СВО. Опасно мафиозные и одновременно нелепо слабые «они» на мгновение словно избавляют болезненно отяжелевших «нас» от невыносимого груза ответственности. В политической аналитике те же понятия обладают несколько иным назначением. Они транслируют wishful thinking, то есть выдают желаемое за действительное, позволяя виртуально исключить российский политический истеблишмент из расчета альянсов и сдержек, на которых держится международная сцена.

События уже почти двух последних лет снова заставили нас почувствовать, в какой мере язык — инструмент власти, генерирующий политические и культурные последствия. Есть они сегодня и у языка девяностых. Давая выход болезненному напряжению и желаниям, его конструкции мешают нам наблюдать институциональные сдвиги, которые направили Россию к тому, что мы имеем сегодня, и, сколь ни парадоксально это прозвучит, обеспечили «необъяснимую» устойчивость национальной экономики в волнах кризисов и международных санкций. Такие сдвиги были продиктованы не только затвердевающей изоляционистской идеологией, долгое время остававшейся привилегиро-

ванным объектом внимания журналистов и аналитиков. За ними скрывается постепенная суверенизация институтов управления, казалось бы, еще совсем недавно, в 2000-е годы, реформируемых под лозунгами приобщения к мировому опыту.

Нередко именно это измерение упускает из виду аналитика, призванная учитывать многослойность российского государственного капитализма, который создавался в несколько этапов на протяжении последних 30 лет. Российский режим, безусловно, сохраняет и насильственный, и династический характер. Однако его механика гораздо сложнее «закона бандитской группировки». В 2000-е годы она теснейшим образом синхронизирована с глобальными ритмами неолиберальных реформ (чего настойчиво не желают замечать многие критики), и даже драматический 2022 год демонстрирует нам не банальный откат в архаику, а новый извод архаизированного и при том по-прежнему глобализованного ультрамодерна. Я предлагаю пунктирно проследить эти сдвиги в трех срезах: карьерном, экономическом и административном — соотнеся каждый из них с поворотными точками в недавней политической хронологии.

На историческом распутье: поворотный 2012-й

На исходе «бурных» девяностых российский госаппарат пополняется высокопоставленными управленцами, которые одержимы неолиберальным искушением. В чем его смысл? Как и повсюду в мире, оно сулит рост производительности за счет конкуренции, требует дохода в нерентабельных отраслях, включая медицину, образование и культуру, и акционизирует общественные блага ради извлечения при-

были. Вспомним рефрен правительственных дискуссий и посланий этого периода: производительность, конкуренция, инновации. К началу 2000-х ключевые позиции в госаппарате занимают сторонники ограниченной свободы во имя продуктивности: либеральные экономисты, такие как Алексей Кудрин и Татьяна Голикова, виртуозы «управляемой демократии», подобные Владиславу Суркову и Глебу Павловскому.

Смену эпох приносит политическая реакция на гражданские протесты 2011–2012 годов, которая затрагивает публичную сферу, но не только. В самих кремлевских коридорах «прозападных» министров и администраторов-«интеллектуалов» сменяют лоялисты и показательные «патриоты», которые приучают Думу легализовать решения администрации президента, а население — трудиться молча. Охранители Вячеслав Володин и Алексей Громов занимают место экспериментатора Суркова, публичный стратег Кудрин уступает министерское кресло молчаливому тактику Антону Силуанову, интеллектуального политика Павловского сменяют бизнес-подрядчики Владимир Мединский и Евгений Пригожин. Вместе со вкусом к ультраправым идеям новая генерация исполнителей привносит в кремлевские кабинеты категорически ясные неомеркантилистские рецепты. Совсем не отменяя требований рентабельности, немеркантилизм связывает процветание страны не с успехами в международном состязании, а с накоплением суверенных ресурсов: защитой и расширением территории, импортозамещением, усилением военной мощи, финансовой автономией, ростом рождаемости и лояльности населения.

Поединок эффектив- ности и сувере- нитета...

Если присмотреться внима-
тельнее, мы обнаружим,
что на протяжении трех
десятилетий эти две тен-
денции: неолиберальная
(нацеленная на эффективность и рента-
бельность) и неомеркантилистская (оза-
боченная территориальным суверените-
том, экономической самодостаточностью
и естественным воспроизводством насе-
ления) — переплетаются и в институциональ-
ных проектах, и в высших государственных
карьерах. Возьмем несколько примеров из
разных сфер политики.

Моральная паника последних двух лет,
подогреваемая консерваторами в правитель-
стве и представительстве вокруг феминиз-
ма, трансгендерного перехода, опасности
абортов и низкой рождаемости, не нова.
Она наследует модели, тестируемой с конца
2000-х, когда первые рекламные кампании
за трехлетность и против абортов финанси-
ровались из федерального и регионального
бюджетов. Но то была лишь часть конструк-
ции, призванной направлять репродуктивное
поведение населения. Другая ее часть имела
не запретительный, а отчетливо поощри-
тельный и финансовый характер. Введение
материнского капитала в 2007 году монети-
зировало моральную дилемму семей, пере-
ведя ее в регистр экономической выгоды.
С этого момента конвульсивно циклические
попытки замедлить депопуляцию россий-

ской периферии предпринимаются на фоне
внедрения неолиберальной дисциплины на
тех же территориях, побуждая население к
продуктивному выбору чередованием пре-
мий и штрафов.

О той же двойственности говорят
другие, неожиданно близкие, примеры.
Один — проект федеральных университе-
тов-гигантов, реализованный на рубеже
2000-х и 2010-х, когда гонку за междуна-
родной эффективностью в Министерстве
образования и науки возглавлял Андрей
Фурсенко. Другой — частично реализо-
ванная концепция культурной политики,
созревшая в недрах Министерства куль-
туры уже в 2014 году, при изоляциониз-
ме Мединском. Неолиберальные задачи
роста производительности и наваждение
рейтингами в обоих проектах соседствуют
с явственно меркантилистскими. Оба на-

целены на привязку молодежи к террито-
рии, пополнение населения в пустеющих
регионах, создание защитного «геопולי-
тического» пояса в периферийных зонах
страны. Так, федеральные университеты на
востоке и севере РФ создаются в регионах
с несоразмерно низкой плотностью насе-
ления и, очевидно, выполняют функцию
демографических хабов (см. диаграмму 1).
Тогда как университетам в более густонасе-
ленных южных регионах и в Калининграде
отведена роль приграничных форпостов.
Во всех трех примерах неомеркантилист-
ское наваждение «национальной безопа-
сностью» увязывается с неолиберальной
инвестицией в «привлекательность» реги-
онов. Той же двойственностью отмечена
вся карьера бизнесмена от патриотической
пропаганды Мединского. Его приход в
правительство вовсе не отменяет неолибе-
рального прессинга в образовании и куль-
туре, а лишь усиливает таковой, дополняя
показатели эффективности патриотизмом
и моралью.

По мере восхождения «патриотических»
кадров в правительстве с 2012 года атаки про-
тив всех видов самоуправления и самоорга-
низации постепенно расстраивают прежнее
равновесие. К концу 2010-х в государствен-
ном секторе упразднен базовый компромисс
между интернационалистами и изоляцио-
нистами, который позволял не принимать
всерьез агрессивные выкрики последних,
учитывая их явственно сервисную функцию
в российском государственном капитализме.
Утверждение претензий на «исконно рус-
ские» территории силой оружия в 2022 году
показывает, как суверенный изоляционизм
эмансипируется от сервисной функции и об-
ретает собственную агентность.

РОССИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ НА КАРТЕ ПЛОТНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕГИОНАМ

Неомеркантилизм в ответ на кризис: ловушка 2008-го

Если 2012 год — поворотный в российской политической истории, как локали-

конструкции российской экономики стал не тайно окопавшийся в правительстве изоляционист, а ключевой либеральный стратег Алексей Кудрин.

Важно отметить, что столь значительный рост суверенных фондов становится ответом российского правительства на глобальный

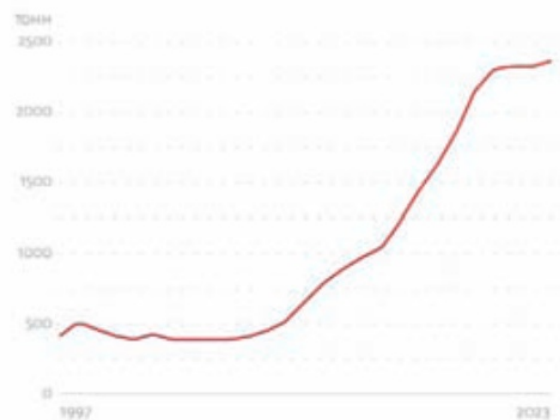
ской идеологии в государственной и экспертной средах следует за суверенизацией финансов, включая монтаж замкнутой платежной системы «Мир». Не суд над Pussy Riot, не криминализация ЛГБТ и не уголовное дело против Алексея Навального подталкивают Банк России к заполнению своих подвалов. Именно избыток золота, этого «сверхнадежного» и инертного ресурса экономической безопасности, предвосхищает политическую реакцию, опрокинутую в гражданское поле и государственное управление.

Следующий показатель, основная ставка меркантилизма — это профицит торгового баланса, то есть преобладание экспорта над импортом. Такое преобладание характерно для российской экономики уже в 1990-е годы и растет с 2000-х (см. график 3, красным цветом), в первую очередь за счет экспорта нефти и газа. В 2022 году торговый баланс достигает пика в абсолютных показателях, несмотря на ужесточение международных санкций. Тем самым военная операция становится продолжением меркантилистской политики иными средствами, наследуя в этом эффекту западноевропейских колониальных завоеваний XVII—XIX веков.

Как и в случае с золотым стандартом, экономическая автономия, которая опирается на торговый профицит, не единственно возможная модель. Она контрастирует с растущим дефицитом торгового баланса США за тот же период (синим цветом на графике 3), который не лишает страну автономии, но отражает ее господствующее положение в системе свободной торговли.

ДИНАМИКА ЗОЛОТОГО ЗАПАСА РФ, 1997–2023

Источник: ЦЕНТРОБАНК РФ

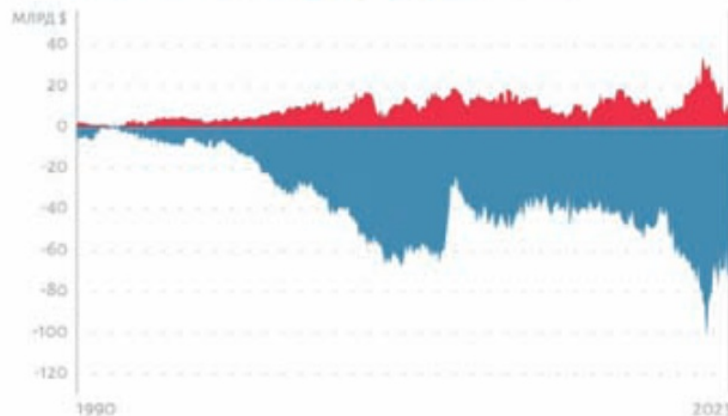
зывать такую же точку в экономической хронологии? Чтобы ее нащупать, необходимо перевести исторические признаки меркантилизма в показатели текущей экономической политики. Удачное определение меркантилизма дает К.-Д. Эшодмезон: «Суверен, чья власть покоится на золоте и прибавлении его налогами, должен опираться на торговый класс и способствовать промышленному и коммерческому процветанию нации, чтобы положительное сальдо торгового баланса обеспечивало ввоз драгоценных металлов». Следуя ему, нам нужно обратить внимание на динамику национального золотого запаса, торгового баланса и внешнего государственного долга РФ.

Золото — фетиш эпохи первоначального накопления и денежный стандарт, возврат к которому в последний раз всерьез обсуждался после финансового кризиса 2008 года. В системе международного обмена такой возврат был признан бесперспективным, и во многих развитых экономиках золотой запас с тех пор даже незначительно уменьшился. В противоположность тому золотой запас РФ, как и суверенный Фонд национального благосостояния, ощутил тяжесть. В сравнении с предкризисным 2007 годом вес золотых слитков в хранилищах Банка России за 15 лет вырос почти в шесть раз (график 2). Как и приведенные выше примеры из других отраслевых политик, этот отмечен характерной двойственностью. Архитектором суверенной

кризис 2008 года, а не на международные экономические санкции, введенные в 2014 году и лишь ускорившие этот сдвиг. При этом если запас металлического золота достигает пика к 2023 году, он близок к максимуму уже в ковидный 2020-й, когда резко меняется ритм и стиль коммуникации Владимира Путина, уходящего в глубокую суверенную самоизоляцию. То есть укрепление изоляционист-

3

ТОРГОВЫЙ БАЛАНС РФ И США, 1990–2023

Источник: TRADINGECONOMICS.COM, BUREAU OF ECONOMIC ANALYSIS (BEA), ЦЕНТРОБАНК РФ

Поединок эффектив- ности и сувере- нитета...

В этом смысле российская и североамериканская стратегии экономической автономии зеркально противоположны. Единственное, чего при этом не следует упускать из виду: американский золотой запас тяжелее российского в три с половиной раза, сохраняя мировое первенство среди национальных.

Наконец, сокращение государственного внешнего долга служит еще одним средством обеспечить экономический суверенитет. В 2000-е правительство ставит цель погасить советский внешний долг, достигнув ее к середине 2010-х. Уже выплата долга европейским кредиторам в 2006-м ощутило снижает этот показатель (см. график 4). А с 2014 года даже бюджетные расходы на Крым и Донбасс в значительной мере обеспечиваются внутренним перераспределением, включая заморозку накопительной части наших пенсионных сбережений.

заложенные кризисным экономическим менеджментом в конце предшествующего десятилетия. Как это сказывается на административных процессах? Я уже показал, какой парадоксальный сплав образуют неолиберальная и неомеркантилистская тенденции в одних и тех же государственных проектах, пока к концу 2010-х прежняя амальгама не

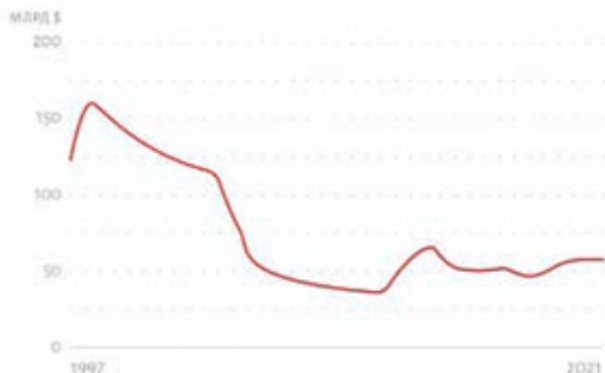
тифицирует Болонскую конвенцию, а на рубеж 2000-х и 2010-х, когда правительство завершает коммерциализацию бюджетной сферы. Ее апогей, Федеральный закон № 83 (2010), обявляет государственные учреждения к конкуренции за бюджетное финансирование и участию в рынке платных услуг. В вузовском секторе растет число частных учреждений (см. график 5: фиолетовая линия, правая ось привязки) и их студентов (синяя линия, левая ось привязки). Университеты ветвятся региональными филиалами: в 2007 году их 1702 у 662 государственных вузов и 378 у 409 частных. К середине 2010-х максимальный процент первокурсников поступает на платные отделения (красная линия, левая ось привязки).

Смена фаз происходит в конце десятилетия. Консервативное правительство решительно «обрезает ветви», сократив частный вузовский сектор и произведя укрупнения в государственном. К 2020 году у оставшихся 497 государственных и 213 частных университетов в общей сложности 554 филиала. Высшее образование приобретает отчетливый национальный и моральный акцент по мере растущего контроля за публичной активностью преподавателей и непродления контрактов как с «неэффективными» (в неолиберальном ключе), так и с «нелояльными» сотрудниками (в логике изоляционизма). Вводятся обязательные курсы «духовно-нравственного воспитания», перестает быть чистой формальностью кураторская (внеучебная) работа преподавателей со студентами.

Парадокс состоит в том, что при определении сроков контракта и в вознаграждении труда преподавателей все большую роль играют неолиберальные показатели производительности — КРІ, включая

4

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНЕШНИЙ ДОЛГ РФ, 1997–2021

Источник: Министерство финансов РФ

Эффективность и суверенитет: переломный 2017-й

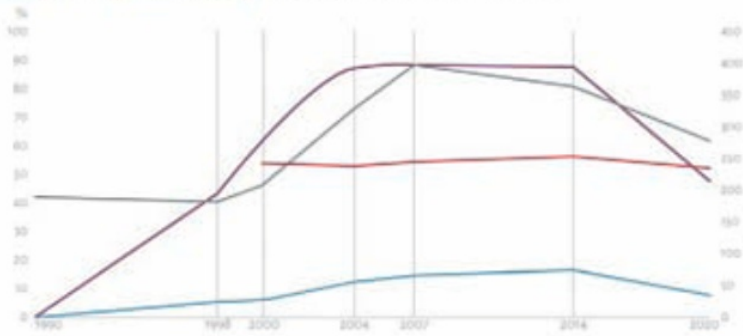
Итак, «патриотические» перестановки 2010-х в управленческом корпусе закрепляют и усиливают «суверенные» сдвиги,

меняет оттенка. Это в полной мере относится к центральному объекту неолиберальных реформ — государственной службе, постепенно, в течение 20 лет преобразуемой в рынок услуг. И центром этого центра остается рынок образования.

Пик неолиберальной тенденции приходится здесь не на 2003 год, когда РФ ра-

ДИНАМИКА РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЕКТОРА, 1990–2020

% СТУДЕНТОВ, ОПЛАЧИВАЮЩИХ ОБУЧЕНИЕ, % СТУДЕНТОВ В ЧАСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ
ЧИСЛО ЧАСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ, ЧИСЛО СТУДЕНТОВ НА 10 000 НАСЕЛЕНИЯ

Источник: Министерство образования РФ, Росстат, ВЦИОМ

публикационную активность и объем привлеченных по грантам средств. Иначе говоря, «патриотический» тренд, негласно заложенный в рабочие часы и базовые условия найма, не отменяет, а усиливает растущие требования производительности. Кроме того, с сокращением частного сектора почти не меняется доля первокурсников, поступающих на платные отделения (красная линия на графике 5). Это означает, что, безотносительно к «международной» или «патриотической» фазе, коммерциализация захватывает прежде всего государственный сектор, где более половины студентов и их семей полностью возмещают вузам расходы на обучение.

Чередование неолиберальной тенденции (эффективность любой ценой) и неомер-

ский, обслуживающий и иной вспомогательный персонал.) То есть вопреки стереотипам правительства Путина и Медведева пытаются сэкономить на цене управления, включая его репрессивные компоненты. Самой запоминающейся здесь, вероятно, остается реформа МВД 2010–2012 годов, с переименованием службы, массовой переподготовкой и сокращением сотрудников. Не менее важным, пускай и не столь заметным движением к неолиберальной модели, становится введение в 2014 году системы денежных штрафов на госслужбе за несвоевременное и недобросовестное исполнение должностных обязанностей.

Административный переворот начинается в 2017-м. Ряды полиции, а затем и армии снова пополняются, в противоположность

5

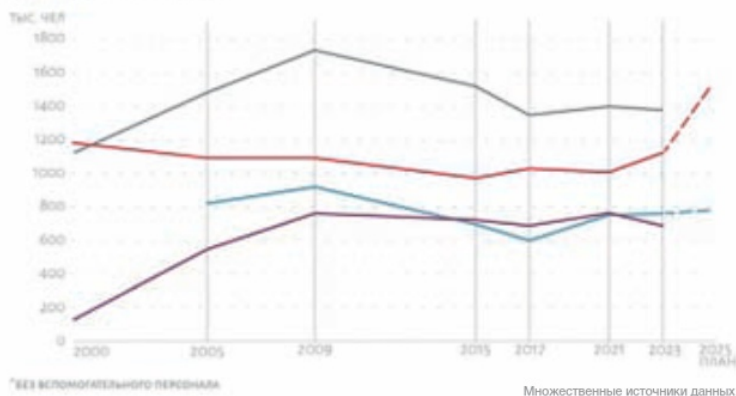
рынок силовых услуг. Фиолетовая линия (на графике 6) дает представление о лицензированных сотрудниках ЧОПов, число которых стабилизируется уже к концу 2000-х. С началом «патриотической» фазы к этому показателю следует плюсовать наемников частных армий, таких как пригожинский «Вагнер», которые не учтены статистикой из-за их нелегального статуса. К середине 2010-х годов только чоповцы по численности соразмерны с полицией, внося вклад в общую милитаризацию повседневной жизни российских городов, в особенности крупных.

В конечном счете нововведения обоих периодов в российской политике — и интеграции, и изоляции — направлены к одной и главной цели: подстегнуть рост продуктивности. Дают ли искомый эффект сперва сокращение бюрократического аппарата, монетизация услуг и подстегивание правительства конкуренции (зачастую весьма жесткое), а затем суверенное использование аппаратов насилия? Очевидно, не столь ощутимый, если вообще какой бы то ни было. Об этом ярко свидетельствует один из ключевых показателей развития экономики — производительность труда. До конца 2000-х, и в особенности до мирового финансового кризиса 2008 года, производительность растет быстрее. В следующем десятилетии, по мере коммерциализации государственного сектора и одновременной суверенизации экономики, рост замедляется, несмотря на высокие показатели ВВП. В странах Евросоюза в среднем рост в тот же период более выражен. В российской «патриотической» фазе с 2014-го он замедляется еще заметнее, при растущих поступлениях в национальный бюджет.

На вопрос «Почему?» первый ответ: из-за рентного характера российской экономики. Действительно, механика ренты мешает долговременному развитию, способствуя сверхконцентрации доходов и блокируя инвестиции в труд. Но и это объяснение не исчерпывающее. Чтобы лучше понимать устройство режима, который распоряжается нашими жизнями, важно уметь читать его показатели, которое не ограничивается узкотехническими рамками и не размывается на броские метафоры девяностых. Обойти стереотипные ловушки «исключительности» российского случая помогает обращение к широкому и эвристичному контексту политической экономики. Анализ неолиберальной и неомеркантилистской тенденций в государственном управлении позволяет яснее определить истоки проблемы и всерьез обсуждать будущее страны.

6

ГОСЛУЖАЩИЕ (ГРАЖДАНСКИЕ), АРМИЯ*, ПОЛИЦИЯ* И ЧОПЫ, 2000–2023

*Без вспомогательного персонала

Множественные источники данных

кантилистской (обеспечение государственного суверенитета) прослеживается и в структуре государственного аппарата. До середины 2010-х неолиберальные реформы во имя эффективности и снижения нерентабельных бюджетных трат сокращают ряды гражданских государственных служащих (серая линия на графике 6), армии (красная линия) и полиции (синяя линия). (При расчете численности полиции и армии, по разным источникам, учитывались только штатные сотрудники, исключая техниче-

гражданскому корпусу. Суверенные функции государственного аппарата насилия, прежде сокращавшегося под лозунгами эффективности, укрепляются по мере роста репрессий оппонентов, сдерживания социального протеста и, наконец, начала СВО. Плановый рост к 2025 году лишь подтверждает этот сдвиг.

При этом государственное использование насилия уже немислимо без управления частным. В этом смысле важен еще один, на первый взгляд внешний, показатель:

Александр Бикбов